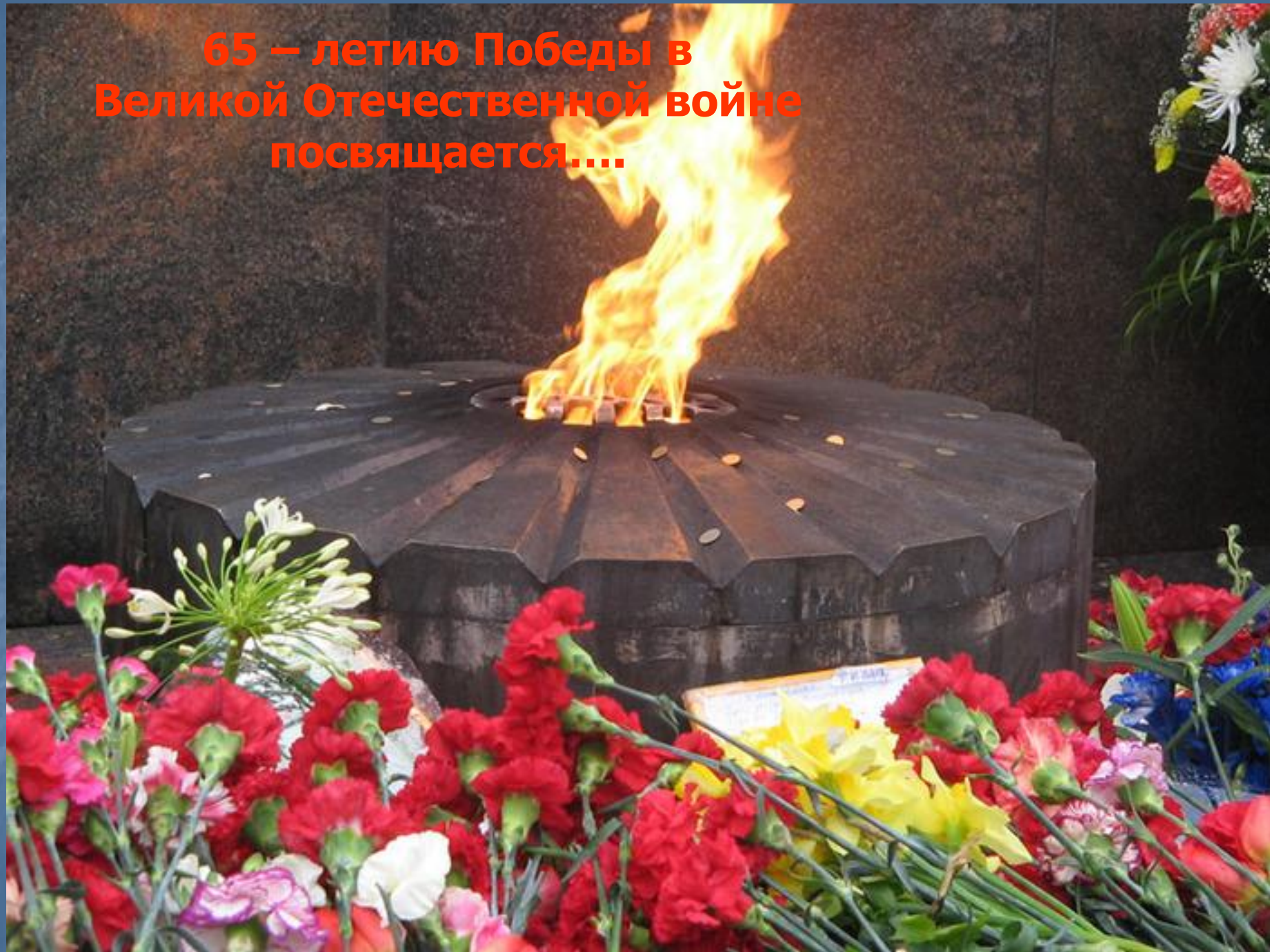

**65 – летию Победы в
Великой Отечественной войне
посвящается....**

Учащиеся 7 класса Советской средней школы представляют слайд-фильм на конкурс «Подвигу народа жить в веках!»

**Дети
и**

Великая Отечественная война

**Испуг детей во
время бомбежки.
1941 год.**

На минском шоссе.

**Идти устали маленькие ноги,
Но он послушно продолжает путь.
Еще вчера хотелось близ дороги
Ему в ромашках полевых уснуть.**

**И мать несла его, теряя силы,
В пути минуты длились, словно дни.
Все время сыну непонятно было,
Зачем свой дом покинули они.**

Что значат взрывы, плачь, дорога эта?

И чем он хуже остальных ребят,

Что на траве зеленой у кювета,

Раскинув руки, рядом с мамой спят?

Как тяжело выслушивать вопросы...

Могла ли малышу ответить мать,

Что этим детям, спящим у березы,

Что этим мамам никогда не встать?

Но сын вопросы задавал упрямо,

И кто-то объяснил ему в пути,

Что это спали неживые мамы,

От бомбы не успевшие уйти.

И он задумался под лязг машин железных,

Как будто горе взрослых понял вдруг, –

В его глазах, недавно безмятежных,

Уже блуждал осознанный испуг.

Так детство кончилось. Он прежним больше не был.

Он шел и шел. И чтобы мать спасти,

Следил ревниво за июньским небом

Малыш, седой от пыли, лет шести.

Аркадий Кулешов

Утром двадцать второго июня сорок первого года на одной из брестских улиц лежала убитая девочка с растрепанными косичками и ее кукла.

Многие запомнили эту девочку...

А кто сосчитает, сколько детей убивает война? Убивает тех, кто родился.

И убивает тех, кто мог бы, кто должен был прийти в этот мир.

Ребенок, прошедший через ужас войны, ребенок ли? Кто возвратит ему детство?

А их таких были тысячи в сорок первом – сорок пятом годах... Можно спросить, что героического в том, чтобы в пять, десять или двенадцать лет пройти через войну? Что могли понять, увидеть, запомнить дети?

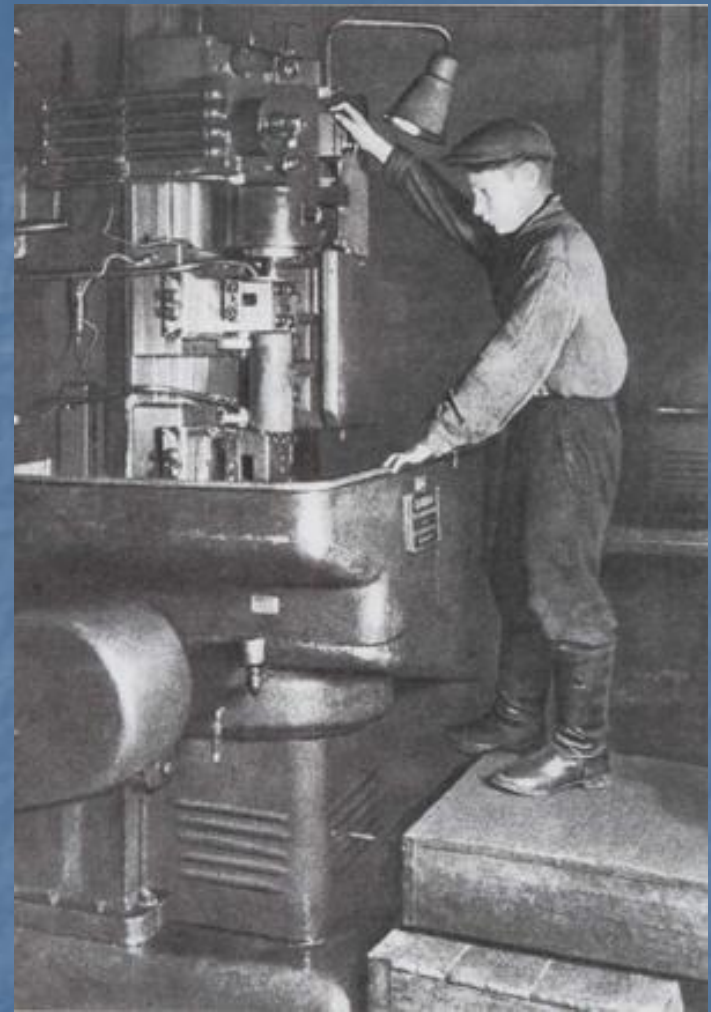
Многое! Отца разрывали немецкие овчарки, а он кричал: “Сына уведите... Сына уведите, чтобы не смотрел...” Еще они могут рассказать, как умирали от голода и страха. Как убегали на фронт: “... боялся, что война без меня кончится. А она была такая длинная: началась – я вступил в пионеры, кончилась – уже комсомолец” Первое воспоминание трехлетнего Володи Шаповалова, как вели на на расстрел их семью и ему казалось, что мать кричала громче всех . Феликс, которому в сорок первом году было шесть лет, до сих пор не может забыть буханку хлеба, которую бросил им из теплушки раненый солдат.

Новогодняя елка в хирургическом отделении Городской детской больницы имени К.А.Раухфуса. Декабрь 1942г.

Много страшного осталось в их памяти. Как тосковали, когда наступило первое сентября сорок первого года и не надо было идти в школу. Как, только встав на ящики, дотягивались до станков и в десять – двенадцать лет работали по двенадцать часов в сутки. Как получали на погибших отцов похоронки. Как, увидев после войны первый батон, не знали, можно ли его есть, потому что“... я забыл за четыре года, что это такое – белый батон”

Вот этот мальчик (ему лет 12-14), он небольшого росточка, а стоит на 2-х ящиках у сложного станка. Он работает на заводе, который делает снаряды для фронта. Он заменил своего отца или брата, который ушел на фронт воевать с немцами. А ящики ему подставили, так как он не достает до станка. Он очень хотел бы пойти на фронт сражаться с немцами, но ему мало лет, его не возьмут. А на заводах и фабриках некому было работать, и дети помогали взрослым.

Дети и война – два несовместимых понятия. Война – дело взрослых, но и детям досталось на войне. Один из документов фашистской программы гласит:

“Помни и выполняй:

Нет нервов, сердца, жалости – ты сделан из немецкого железа. Уничтожай в себе жалость и сострадание. Убивай всякого русского, не останавливаясь, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик..” Этот документ убеждает, с каким беспощадным врагом встретился лицом к лицу советский народ. Участие в великой освободительной борьбе против фашизма стало высшим долгом. На столы мобилизационных пунктов рядом с заявлениями отцов и матерей с просьбой отправить на фронт, клали заявления их дети, зачастую написанные еще неустойчивым почерком. А сколько их убежало на фронт и становилось сынами полка.

6-летний Толя Воронов, прошедший боевой путь с одной из гвардейских дивизий, знакомится со своими новыми товарищами в детском доме №9 Май 1945 г.

Сын полка Толя Морозов может рассказать, как его, голодного и замерзшего, подобрали в лесу танкисты, и девушка санинструктор скоблила мальчишку сапожной щеткой и долго вспоминала, что ей “не хватило на меня толстого куска мыла. Я был чернее камня”.

Раненые дети,
пострадавшие от
артиллерийских
обстрелов города, в
Ленинградском
государственном
Педиатрическом
институте
Июль 1943 г.

Белорусская девочка Тамара Томашевич до сегодняшнего дня сберегла в памяти, как в Хвалынском детдоме на Волге никто из взрослых не повышал на детей голоса, пока у них не отросли волосы после дороги, а Женя Корпачев не забыл старую узбечку, принесшую им с матерью последнее свое одеяло на вокзал. Первый советский солдат в освобожденном Минске подхватил на руки четырехлетнюю Галю Забавчик и она назвала его “папа”. А Нелла Вершок рассказывает, как шли по их деревне наши солдаты, а дети смотрели на них и кричали: “Папы идут! Папы...” Не солдаты, а папы.

Их судьбы похожи. Война стала общей биографией целого поколения военных детей. Даже если они находились в тылу, все равно это были военные дети. Их рассказы тоже длиной в целую войну.

Невыносимо, мучительно больно читать их воспоминания: Фаина Люцко – 15 лет. ... Не буду рассказывать... Не могу... Я не думала после всего жить... Я думала, что сойду с ума... Я каждый день вспоминаю, а рассказать? ... Я буду болеть, если расскажу...

Помню, что они черные все, черные... У них даже собаки были черные...

Мы жалась к матерям... Они не всех убивали, не всю деревню. Они взяли тех, кто справа стоял и разделили: детей – отдельно, родителей – отдельно. Мы думали, что они родителей будут расстреливать, а нас оставят. Там была моя мама... А я не хотела жить без мамы... Я просилась и кричала... Как-то меня к ней пропустили.

– Это не моя дочь!

– Мамочка!

– Это не моя дочь! Это не моя дочь...

Вот это я запомнила. Глаза у нее не слез были полны, а крови. Полные глаза крови:

– Это не моя дочь!

Куда-то меня оттащили. И я видела, как сначала стреляли в детей. Стреляли и смотрели, как родители мучаются. Расстреляли двух моих сестер и двух моих братьев. Когда убили детей, стали убивать родителей. Стояла женщина, держала на руках грудного ребеночка, он сосал водичку из бутылочки. Они выстрелили сначала в бутылочку, потом в ребенка, а потом только мать убили. Я думала, что сойду с ума... Что я жить не останусь... Зачем меня мама спасла?...

Юра Карпович (8 лет)

...Я видел, как гнали через нашу деревню колонну военнопленных. Там, где они остановились, была обгрызена кора с деревьев. А тех, кто нагибался к земле, чтобы сорвать зеленой травы, расстреливали. Это было весной... Я видел, как ночью пошел под откос немецкий эшелон, а утром положили на рельсы всех, кто работал на железной дороге, и пустили паровоз... Я видел, как запрягали в брички людей с желтыми кругами на шее вместо хомутов и катались на них. Как их расстреливали с этими же желтыми кругами на шее и кричали: "Юде!..."

Я видел, как у матерей штыками выбивали из рук детей и бросали в огонь... Я видел, как плакала кошка. Она сидела на головешках сожженного дома, и только хвост у нее остался белый, а вся она была черная. Она хотела умыться и не могла, мне казалось, что шкурка на ней хрустела, как сухой лист.

У стога сена сидит пожилой человек (можно сказать, старик), а рядом с ним подросток, они с оружием. Вглядитесь в их глаза, посмотрите какие у них напряженные взгляды. Они из партизанского отряда, сидят в засаде, внимательно смотрят на дорогу, ждут врага. Чтобы уничтожить немцев, не дать пройти им на нашу землю. А этим мальчишкам едва ли исполнилось 10 лет, а вместо игрушечных в руках у них настоящие автоматы...

В суровые годы войны дети-пионеры, члены детской пионерской организации работали на полях, заменяли у станков отцов и старших братьев, ушедших защищать Родину, ухаживали за ранеными, собирали цветной и чёрный металлолом, лекарственные растения, отправляли подарки на фронт, зарабатывали и собирали средства для постройки танков и самолетов.

Пионерские противопожарные посты и дружины обезвредили немало зажигательных бомб. Около 20 тысяч юных москвичей получили медаль “За оборону Москвы”. Медалью “За оборону Ленинграда” были награждены более 15 тысяч пионеров.

Юные, совсем юные, мальчишки и девчонки, те кому в 41-м было чуть больше 12-13 лет, те кто на груди с гордостью носил пионерский галстук или комсомольский значок, совершили бессмертные подвиги.

Вместе со взрослыми сражались в партизанских отрядах дети. Леня
Голиков

собирал сведения о численности и вооружении врагов.

Используя его данные, партизаны освободили свыше тысячи военнопленных, разгромили несколько фашистских гарнизонов, спасли многих советских людей от угона в Германию. Сам Лёня уничтожил 78 фашистских солдат и офицеров, участвовал в подрыве 27 железнодорожных и 12 шоссейных мостов, 8 автомашин с боеприпасами.

**Леониду Голикову было присвоено высокое звание Героя
Советского Союза**

Зина Портнова ходила в разведку, участвовала в диверсиях, распространяла листовки и сводки Совинформбюро, уничтожила не один десяток фашистов. Однажды, когда партизанка, выполнив очередное задание, возвращалась в отряд, она попала в руки к гитлеровцам. На допросе схватив лежащий на столе пистолет, она застрелила двух фашистов, но убежать ей не удалось. Её допрашивал четвёртый день подряд фашистский офицер, увешанный крестами, ей руки за спину выкручивал солдат, её хлестала плеть, её гноили в яме. Угрюмый офицер сказал, что больше нет терпенья у него, что это лишь начало жестоких мук, каких не видел свет....

Но, жёлтая, как воск, она молчала.

Зинаиде Портновой присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Белорусский пионер Марат Казей начал свой боевой путь с первых дней войны. Он распознал фашистских десантников, переодетых в форму красноармейцев, и сообщил о них пограничникам. Вражеский десант был полностью уничтожен.

Марат был разведчиком у партизан. Не было случая, чтобы он не выполнил задание. Марат был награжден медалями “За боевые заслуги” “За отвагу”. Однажды, выполняя задание, он встал во весь рост и с гранатой пошел на врагов. **Марату Казею присвоено высокое звание Героя Советского Союза.**

**Давно уж бои отгремели,
Но время не вычеркнет нет!
Мальчишку в солдатской шинели
Неполных пятнадцати лет.**

Многие дети вместе со взрослыми уходили в партизанские отряды, становились настоящими героями. Их было много.

Обыкновенные школьники, ставшие подпольщиками и партизанами. Отдавшие жизни за то, чтобы другие школьники могли спокойно расти в мирное время.

Валентин Котик - подпольщик-разведчик из Шепетовки. Подрывник в партизанском отряде - на счету шесть взорванных эшелонов. Погиб в бою с немцами.

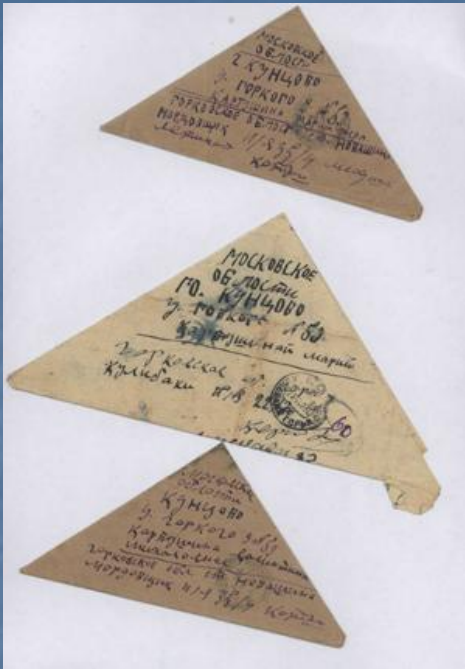
Юта Бондаровская - ленинградская школьница, которую война застала под Псковом, где она была на каникулах. Связная и разведчица партизанского отряда. Погибла в бою с немцами.

Василий Коробко - разведчик и диверсант Черниговского партизанского отряда. Уничтожил девять эшелонов. Погиб в бою с немцами. **Галина Комлева** - подпольщица поселка Тарновичи, Ленинградской области. Связная подполья, распространитель листовок. Расстреляна немцами. **Виктор Хоменко** и **Александр Кобер** - подпольщики из города Николаева. Разведчики и связные "Николаевского центра". По заданию центра пересекали линию фронта для доставки в Москву сведений. Расстреляны немцами. **Лариса Михеенко** - ленинградская школьница, разведчица 6-й Калининской партизанской бригады. Взорвала железнодорожный мост через реку Дрисса. Расстреляна немцами.

Но не все дети могли работать на заводах, воевать в партизанских отрядах. Девочки вязали теплые вещи для фронта: варежки, носки, помогали раненым в госпиталях, писали письма солдатам на фронт, чтоб поддержать их боевой дух, чтобы не скучали наши защитники по своим близким. Приятно было солдату получить письмо, в котором чувствовалась любовь, забота, теплота пусть даже, если ему написал незнакомый человек. Согревало солдата в холодной землянке это письмо, и уходил он в бой, зная, что кто-то его любит и ждет!

Вместо игр они учились тушить зажигательные бомбы, помогали взрослым выращивать овощи, хлеб, часто на них полностью были младшие братья и сестры, весь дом, а вместо игрушек были гильзы, патроны, капсюли от снарядов.

Восьмого сентября гитлеровские войска захватили город Шлиссельбург у истока Невы и окружили Ленинград с суши. Началась 871 – дневная блокада города на Неве. Единственной дорогой в осажденный город было малоизученное Ладожское озеро. Из Ленинграда по воде было эвакуировано 33 479 человек, но навигация была смертельно опасна. Частые налеты вражеской авиации и непредсказуемые осенние штормы делали каждый ре

Из воспоминаний Валентины Ивановны Потарайко: "Мне было 5 –6 лет. Из блокадного Ленинграда нас эвакуировали в Пермскую область. Везли через Ладогу, где мы попали под бомбежку. Много детей тогда погибло, а кто выжил, натерпелся страха и ужаса. На Урал нас везли в товарных поездах вместе со скотом. На какой-то небольшой станции фашисты разбомбили поезд, загорелись вагоны. Все вокруг смешалось: метались из стороны в сторону люди, плакали дети, ржали лошади, мычали коровы, визжали свиньи. Мою старшую сестру Нину осколком ранило в лицо. Из ушей и раздробленной челюсти хлестала кровь. Средней сестре Тамаре пули попали в ногу, мать была смертельно ранена. На всю жизнь я запомнила эту картину. С убитых снимали теплую одежду и обувь, а потом их сваливали в общую могилу. Я кричала: "Дядя, не надо мою маму!" Сестер увели, чтобы оказать им медицинскую помощь, а я сидела возле матери, которую положили на опилки. Дул сильный ветер, опилки засыпали ее раны, мама стонала, а я вычищала ей раны и просила: "Мама, не умирай!" Но она умерла. Я осталась одна".

Пронзительно поведала людям о войне, принесшей столько горя ей и её близким, двенадцатилетняя девочка Таня Савичева. Среди обвинительных документов фашизму, представленных на Нюрнбергском процессе, была и маленькая записная книжка. В ней всего девять страниц. На шести из них – даты. И за каждой датой смерть. Шесть страниц – шесть смертей. Сжатые, лаконичные записи: “28 декабря 1941 года Женя умерла... Бабушка умерла 25 января 1942 го. 17 марта – Лека умер. Дядя Вася умер 13 апреля. 10 мая – дядя Леша, мама-15 мая”. А потом без даты: “Савичевы умерли. Умерли все. Осталась одна Таня”. Не удалось спасти и саму Таню. Даже после того, как ее вывезли из блокадного города.

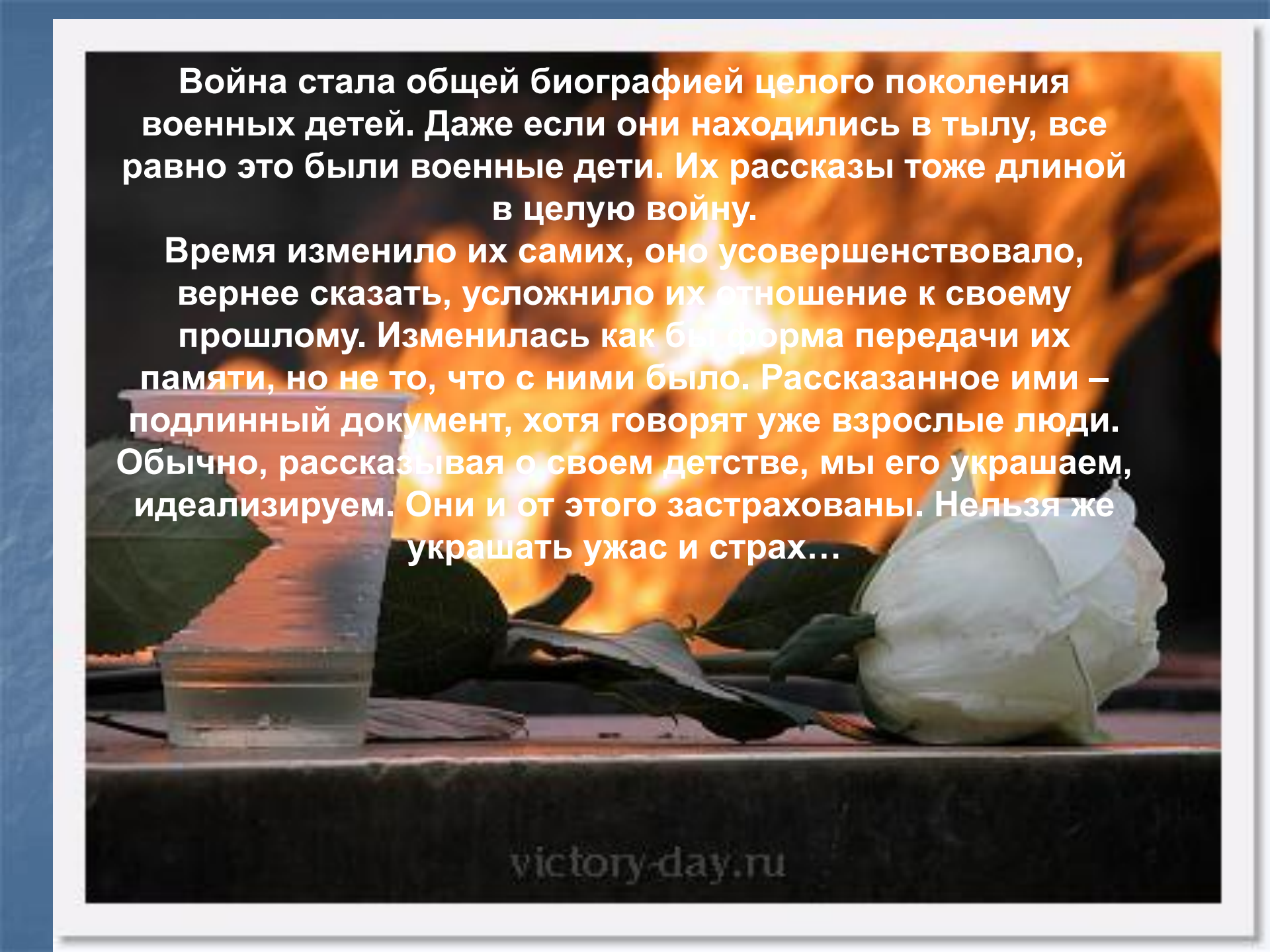

КАРТОЧКА					
НА ХЛЕБ					
НА ДЕКАБРЬ 1941 г.					
№ п.п.					
в утере не возобновляется					
15 XII B 25 гр ХЛЕБ	12 XII B 25 гр ХЛЕБ	9 XII B 25 гр ХЛЕБ	6 XII B 25 гр ХЛЕБ	3 XII B 25 гр ХЛЕБ	
15 XII A 25 гр ХЛЕБ	12 XII A 25 гр ХЛЕБ	9 XII A 25 гр ХЛЕБ	6 XII A 25 гр ХЛЕБ	3 XII A 25 гр ХЛЕБ	
15 XII B 25 гр ХЛЕБ	12 XII B 25 гр ХЛЕБ	9 XII B 25 гр ХЛЕБ	8 XII B 25 гр ХЛЕБ	5 XII B 25 гр ХЛЕБ	2 XII B 25 гр ХЛЕБ
15 XII A 25 гр ХЛЕБ	12 XII A 25 гр ХЛЕБ	9 XII A 25 гр ХЛЕБ	8 XII A 25 гр ХЛЕБ	5 XII A 25 гр ХЛЕБ	2 XII A 25 гр ХЛЕБ
15 XII B 25 гр ХЛЕБ	12 XII B 25 гр ХЛЕБ	9 XII B 25 гр ХЛЕБ	8 XII B 25 гр ХЛЕБ	5 XII B 25 гр ХЛЕБ	2 XII B 25 гр ХЛЕБ
15 XII A 25 гр ХЛЕБ	12 XII A 25 гр ХЛЕБ	9 XII A 25 гр ХЛЕБ	8 XII A 25 гр ХЛЕБ	5 XII A 25 гр ХЛЕБ	2 XII A 25 гр ХЛЕБ

Самые тяжелые месяцы были декабрь и январь. В эти месяцы была самая ужасная норма - 125 граммов. В ход пошло все - кофейная гуца, из которой пекли лепешки, варили кожаные ремни, делали студень из клея. Крошечный, почти невесомый ломтик: Сто двадцать пять блокадных грамм С огнем и кровью пополам...

Дети в осажденном Ленинграде... Смотреть на голодающих детей (а их в городе оказалось около 400 тысяч) и чувствовать свою полную беспомощность перед тем, что ничем помочь им не можешь, – нет ничего ужаснее для матерей. Дети ждали хлеба. А где его взять? Матери отдавали все, что могли, что имели, только бы обменять свои вещи на хлебные карточки. Родители, лишая себя куска хлеба, поддерживали слабые детские силенки, тем самым нанося вред своему здоровью. Чтобы не заморозить детей, женщины с превеликими трудностями доставали дрова, бережно расходуя каждое полено. А если дрова кончались, в ход шла мебель, паркет и даже книги. Из ближайших водоемов таскали ведрами воду, таща их на салазках, стирали в ледяной воде белье и чинили одежду при слабом свете коптилки, скудные продукты распределяли по дням, а в течение дня – по часам.

Война стала общей биографией целого поколения военных детей. Даже если они находились в тылу, все равно это были военные дети. Их рассказы тоже длиной в целую войну.

Время изменило их самих, оно усовершенствовало, вернее сказать, усложнило их отношение к своему прошлому. Изменилась как бы форма передачи их памяти, но не то, что с ними было. Рассказанное ими – подлинный документ, хотя говорят уже взрослые люди. Обычно, рассказывая о своем детстве, мы его украшаем, идеализируем. Они и от этого застрахованы. Нельзя же украшать ужас и страх...

**Вспомним всех поименно,
Горем вспомним своим.
Это нужно не мертвым –
Это нужно живым. (Роберт Рождественский).**